

Россия. 2003. — 13 окт. — с. 13

Полина Дашкова: «ГЕРОЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЖИВЫМ»

Беседовала Татьяна Источникова

Несмотря на то, что Полина Дашкова написала гораздо меньше книг, чем другие отечественные авторы детективного жанра, на ее популярность это никак не отразилось. Впрочем, сама писательница отнюдь не считает свои романы детективами, а тем более не относит их к коммерческой литературе. Недавно был издан

сборник ее ранних стихов и рассказов «Качели», и, по словам Полины, успех его был не меньшим, чем у предыдущих произведений. О чем это свидетельствует? То ли читатель автоматически покупает все книги любимого автора, то ли ценит высокие жанры не ниже бестселлеров? С этого и начался наш разговор.

— Ну, во-первых, ничего коммерческого я не пишу. Я считаю, коммерческой литературы вообще нет. Есть очень раздутые писатели-бренды, которые существуют ровно столько, насколько хватает денег, чтобы их рекламировать. Литература — это совершенно особый вид творчества, в котором читатель и писатель оказываются наедине. Между ними происходит некий диалог. Захочет ли читатель участвовать в этом диалоге — это не зависит ни от рекламы, ни от попыток писателя понравиться читателю. Что касается книжки «Качели»... На встречах с читателями, с журналистами я постоянно слышала вопрос: почему вы не издаете свои стихи? И вот выбрала примерно одну десятую из всех стихов, которые были мной написаны в разные периоды, плюс некоторые рассказы, эссе и решила, что все это вполне можно собрать в одну книжку.

— Почему женская детективная литература сейчас так популярна? Ту же Донцову, например, читают все поголовно — не только домохозяйки, но и мужчины, и подростки, кто угодно...

— Само разделение «женской» и «мужской» литературы настолько нелепо. Это ведь не баня все-таки... Что касается Донцовой — она очень талантливый человек, очень светлый. У нее просто дар свыше, поэтому столько людей читают ее книги. Она — как добрая сказочница.

— Как отзываются о ваших книгах западные критики?

— Если говорить начистоту, я захожу в десятку наиболее популярных европейских писателей. Причем не в детективном жанре. За последние 15 лет ни у одного из русских авторов не было таких больших тиражей за рубежом.

— Какой первый детектив в жизни вы прочитали?

— Я читала Агату Кристи, Конан Дойла, Честертона; но при этом абсолютно не думала, что я читаю детективы. И когда задумывала свой первый роман, у меня не было такой задачи — сочинить детектив. Думаешь не о жанре, а о сюжете, о героях.

— Многие детективные авторы, тот же Конан Дойл, создают персонажей, которые действуют из романа в роман. Вам никогда не хотелось создать свою мисс Марпл или Настю Каменскую?

— Нет, не хотелось. Иногда некоторые мои герои переходят из романа в роман, но это происходит в основном по просьбам читателей. Что касается мисс Марпл, по сути, много ли мы о ней знаем? Она старая дева, живет в захолустной деревушке, вяжет... вот и все. Она не участвует в событиях, она наблюдатель со стороны. У нас такой тип героя не стал бы популярным. Герой должен быть живым, читатель хочет знать о нем как можно больше. Если из романа в роман этот герой будет одно и то же есть, пить и

так далее — ну, вначале это мило, а потом...

— У Шерлока Холмса был как раз такой набор привычек...

— Так Конан Дойл в конце концов его и убил. Он ему надоел просто! И только по личной просьбе королевы Виктории «реанимировал». Конечно, с коммерческой точки зрения постоянный герой повышает рейтинг автора, но мне, если честно, на это наплевать. Мне издатели часто говорили, что вот здесь герой должен был поступить вот так, ситуация должна была выкрутить вот этак... Ну пусть сами тогда пишут!

— Полина Викторовна, а почему ваши романы до сих пор не экранизированы?

— Не хочу. Потому что ни одна из современных экранизаций мне не нравится. Все делается очень непрофессионально, халтурно... Ко мне обращались из многих продюсерских фирм — и наших, и зарубежных. Я дважды поддалась на уговоры и сильно об этом жалею.

— То есть фильмы уже начали снимать?

— Нет, пока я только закончила сценарий по роману «Место под солнцем». Пришлось потратить на него целое лето, а лучше бы вместо этого я написала роман — было бы интереснее и мне самой, и читателям. На данный момент существуют всего два режиссера — если судить по качеству работы, по уровню профессионализма, совпадению каких-то жизненных позиций, — которым я доверила бы экранизацию романов, — Татьяна Лиознова и Светлана Дружинина. Но Лиознова сейчас ничего не снимает, а Дружинина занимается историческим кино. Так что не складывается...

— Вы часто пишете книги на основе реальных событий?

— Конечно, реальные события влетают в романы, хотя и очень сильно трансформируются. Можно зацепиться за какую-то мелочь, и из нее вырастет целый сюжет. Например, был период, когда в некоторых районах Москвы меняли номера телефонов. И вот нам начали звонить с угрозами, требуя выплаты каких-то денег. Оказалось, что наш новый номер раньше принадлежал одной разорившейся фирме, на которую начали наезжать кредиторы. Из этого впоследствии вырос роман

«Никто не заплачет». Иногда бывает так, что ко мне обращаются люди из правоохранительных органов или «с другой стороны». И те и другие жаждут, так сказать, запечатлеть в романах. Рассказывают разные истории. Но я еще ни разу не воспользовалась ни одной из них. Другое дело — сами типажи этих людей: их черты я использую при создании персонажей.

— Вас кто-то консультирует с профессиональной точки зрения, когда речь идет, например, о работе спецслужб?

— Я читаю очень много документальной, мемуарной, научной литературы. Иногда получается забавно: например, когда я писала «Чувство реальности», то ни к кому не обращалась — просто рылась, как книжный червь, в горах документов, находя там какие-то факты, что-то сопоставляя, логически домысливая... Так вот, когда вышел роман, работники спецслужб меня разыскали и стали спрашивать: а откуда вы все это знаете, кто вам рассказал? Я им ответила: проверьте свои источники и убедитесь, что никто мне ничего не рассказывал. Они проверили, выяснили, что я говорю правду. Уже после я с ними близко познакомилась, можно сказать, подружилась, показала все книги и документы — откуда я что взяла... Но они все равно с трудом могли поверить, что кто-то мог сам, своим умом выяснить какие-то секретные факты...

— У вас в романах иногда встречаются прототипы реальных людей. Например, в «Образе врага» есть такой Авангард Цитрус — довольно злая пародия на Лимонова. Он вам настолько неприятен как политик или как человек? Когда он попал в тюрьму, вы не жалели, что уж слишком над ним поиздевались?

— Если бы я испытывала к нему личную неприязнь, то вообще бы этой темы не касалась. Лимонов — просто собственный пиарщик, человек с болезненным тщеславием, который очень хочет, чтобы о нем как можно больше

говорили. А идеология для него стоит на втором месте — как, собственно, и у моего вымышленного персонажа. В тюрьму же он попал не по политической статье, а по уголовной. Поэтому я не считаю его невинной жертвой. Да и все, что творят его сторонники, это отнюдь не безобидно.

— Вам не страшно было братья за такую тему, как терроризм, в том же «Образе врага»?

— Мне за любую тему страшно братья — будь то любовь или отношения родителей и детей... Но тема терроризма просто витает в воздухе, и я не могу на нее не реагировать, если живу в этом мире...

— Есть ли человек, к чьему мнению вы особенно прислушиваетесь, когда речь идет о ваших книгах?

— Я прислушиваюсь к любому мнению, если не считать наших критиков. У меня, например, есть друзья журналисты, чье мнение для меня очень много значит. Но я не хочу быть как тот слон из басни Крылова, который нарисовал картинку, а потом стал ко всем мнениям прислушиваться, и в результате от картинки ничего не осталось...

— Вы много путешествовали?

— Да, очень много. Объездила всю Европу, Америку... Была даже на Северном полюсе — когда работала переводчиком-синхронистом при Ассоциации народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

— А есть такое место, где вы не были, но очень хотели бы побывать?

— Хотела бы побывать в Африке, но не в туристических зонах, а в центре континента. Мой муж снимал фильм о Центральной Африке, очень интересно обо всем рассказывал, и мне самой хотелось бы на это посмотреть. Еще — съездила бы в Китай и Японию.

— И, наверное, самый банальный вопрос: у вас есть какая-нибудь несбывшаяся мечта?

— Хотела бы прыгнуть с парашютом.

Писательница мечтает о парашюте